

Алексей Митрофанов
Кострома

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Кострома. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Кострома. Городские прогулки / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930779-8

Кострома — один из интереснейших, красивейших и величайших городов России. Костромские гостиные ряды уникальны. На огромной площади расположилось множество различных корпусов с колоннами и без колонн, все — красоты неопишуемой. Ипатьевский монастырь. Музей деревянного зодчества.

ISBN 978-5-44-930779-8

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Центр	10
Мшанская	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кострома

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4493-0779-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кострома в русской поэзии – явление странное, непостижимое и, я бы сказал, беспокойное.

«А ну-ка, дай жизни, Калуга, ходи веселей, Кострома».

Куда ходи? Зачем ходи? И вообще, что это значит – веселей ходи? В смысле, быстрее, эффективнее, производительнее, да?

«Ах, Самара, сестра моя, Кострома мон амур».

Ага, мон амур. Же не манж па сис жур. Костроме язык французский – как борщу повидлю.

«Здорово, Кострома! – Здоровенько!»

Ну, здесь все более-менее понятно.

«А ребята с лукошками, с мышами и кошками шли навстречу ему – в Кострому».

Да, и Ленинград каким-то боком. «Глупый-глупый Кондрат, он один и шагал в Ленинград».

Почему-то Кострома упорно выступает в паре с чем-нибудь еще. Калуга, Самара, Ленинград.

* * *

В действительности, Кострома – гораздо больше, чем все эти припевки, вместе взятые. Один из интереснейших, красивейших и, можно сказать, величайших городов России. Именно сюда, в Ипатьевский монастырь явилось в 1613 году российское боярство – уговаривать юного Михаила Романова оседлать царский трон. Долго тот не соглашался – плакал и отнекивался, отнекивался и плакал. Несколько дней отнекивался и плакал. Но потом все таки согласился.

С тех пор считается, что именно Кострома – родина Дома Романовых.

А еще раньше в Костромских лесах совершил свой подвиг патриот Иван Сусанин. Он завел в болото войско польских интервентов и тем самым погубил его, не пожалев своей собственной жизни.

Костромские гостиные ряды уникальны. На огромной площади расположилось множество различных по архитектуре, но при этом в чем-то схожих корпусов с колоннами и без, все красоты неопишущей. Они торгуют по сей день – входи, турист, и костромич входи, затаривайся.

Костромской сыр известен на весь мир. Ну, если не на мир, то уж во всяком случае, на весь бывший СССР.

Уже упомянутый Ипатьевский монастырь – не только колыбель Романовых, но еще и весьма стоящий архитектурный памятник. Правда, не так давно, его отдали РПЦ (о том, что стало с экспонатами музея, размещавшегося здесь во времена СССР, пожалуй, умолчим), но батюшка вас все равно благословит на посещение и осмотр достопримечательностей.

А рядышком с монастырем – музей деревянного зодчества, один из лучших в России.

Да и сам город – загляденье.

* * *

П. Сумароков, путешественник, писал: «Поутру вступили мы в Кострому. Правильная улица довела нас до площади с пирамидой посереде, указали нам за нею гостиницу, и мы вкусно пообедали стерлядями. Строения благополучные, и на всех улицах хорошие мостовые, великая опрятность.

Площадь, о которой мы уже упомянули, окружена каменными лавками, каланча с фронтоном и колоннами легкой архитектуры занимает один ее бок, посреди стоит деревянный на время памятник с надписью «Площадь Сусанина». Площадь эта походит на распущенный веер, к ней прилегают 9 улиц, и при одной точке видишь все их притяжения. Мало таких приятных, веселых по наружности городов России. Кострома – как щеголевато одетая игрушка».

Вместе с тем, город еще до революции был своего рода символом сонной незыблемости. Федор Сологуб (он побывал тут в 1909 году) писал: «Плывем на пароходе по Волге, видим – Кострома на берегу. Что за Кострома? Посмотрим. Причалили. Слезли. Стучимся.

– Стук, стук!

– Кто тут?

– Кострома дома?

– Дома.

– Что делает?

– Спит.

Дело было утром. Ну, спит, не спит, сели на извозчика, поехали. Спит Кострома. А у Костромушки на широком брюхе, на самой середке, на каменном пупе, стоит зеленый Сусанин, сам весь медный, сам с усами, на царя Богу молится, очень усердно. Мы туда, сюда, спит Кострома, сладко дремлет на солнышке.

Однако пошарили, нашли ватрушек. Хорошие ватрушки. Ничего, никто и слова не сказал. Видим, – нечего бояться Костромского губернатора, – он не такой, не тронет. Влезли опять на пароход, поехали. Проснулась Кострома, всполошилась.

– Кто тут был?

Кто тут был, того и след простыл, Костромушка».

Все, по большому счету, так же. Кострома – сонная российская провинция. И не устает гордиться этим.

А В. и Г. Лукомские, авторы путеводителя по Костроме, изданного в 1913 году, увидели город таинственный и сокровенный: «На фоне черного неба, когда покровом жутким ночь окружит все стены зданий, ярко освещенных огнем фонаря, они покажутся еще живее, еще фееричнее. Выглядывают тогда из-под лобья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволят нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампы, на мебели старинной, и у рододендрона широколистого.

Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предразсудков и ограниченного счастья всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка.

И церкви с куполами, усыпанными крупными, яркими звездочками, увенчанные пирамидами, шпицами и вазами, вытянутыми, сплюснутыми, перевитыми, задекорированными гирляндами и лентами, с затейливым узором оконных наличников, карнизов, с бусами кокошников и порталов, с клеймами резного камня, изображающими то зверя лютого, то птицу неясную, то льва геральдического, окрашенные пестрыми колерами в пашку, или в лимонный цвет, на котором, как на парчу, положено кружево белых украшений, – полны той особенной сказочной прелести, которая бывает под хрустальным кровом колпака или пресс-бюара, в засушенных цветах весны, давно минувшей... Над старинными стенами свешиваются низко и ласково, покрытые инеем, отяжелевшие ветви деревьев; придавая фантастический вид всему

окружающему, возвышаются покрытые шапками снега стройные ели; выглядывают из-за крыш лохматые кедры, или, рисующие на темном небе, как иней на стекле узор из страусовых перьев, березы».

Такова была мистика старого провинциального города. Смотрели на него братья Лукомские, и сами же своим глазам не верили: «А быт тридцатых-сороковых годов, каким-то чудом сохранившийся до наших дней? Каланча с сонным пожарным, гауптвахта с арестованными офицерами, а полосатые будки часовых и столбы перед постоянными дворами, – неужели все это, столь пригодное для декорации гоголевской и даже грибоедовской пьесы не чудо, не феерия, а действительность??

А прелесть крепкого аромата бакалейных лавочек, терпкий запах близ «кожевенных линий», или в «табачных рядах», или воркование голубей под сводами «мучных» или «льняных» линий? во всем этом также выражается провинциальная жизнь.

А чугунные решетки, украшенные гирляндами из черных цветов, вырастающие как бы из снега, а иконы, восьмиугольные, круглые, – под сводами гостиных дворов? А этот скрип клеенкой обитых трактирных дверей, из которых валит пар и вкусный запах, а обитые стеклярусом карусели с пегими, рыжими и вороными лошадками, удивленно смотрящими блестящими глазами и, на радость детворе, кружащимися под звуки инструмента из бутылок, до половины налитых водою? А танцы под громохання духового оркестра в белоколонном зале Дворянского Собрания, где встретить можно еще типы давнишних времен: дам в желтых парчовых нарядах, в платках ярко-узорчатых, с белыми страусовыми перьями в пудренных волосах, или мужчин в костюмах времен очаковских и покорения Крыма».

Да, конечно, все это сопровождалось традиционной для России провинциальной неустроенностью. Директор костромской гимназии Н. Ф. Грамматин писал в Вологду приятелю князю П. Вяземскому: «Описывая Вологду, вы описываете Кострому: здесь такая же грязь, как и у вас, точно такая же дороговизна в квартирах. С бедных приезжих дерут кожу, не помышляя, что завтра их может постигнуть такая же участь... Через здешний город на неделе раза два сотнями гонят пленных: вы не поверите, как они оборваны, бледны, худы, одно основание человечества, что-то похожее на человека».

Шла война с наполеоновской армией, и это, конечно, накладывало отпечаток.

Зато Костромой искренне восхищался – несмотря на недавний пожар – драматург Александр Островский: «В Кострому приехали в 11-м часу и остановились в единственной, пощаженной пожаром, гостинице. Она очень неудобна для нас, да уж нечего делать – хорошие все сгорели. Много хорошего сгорело в Костроме. Мы с Николаем ходили смотреть город; площадь, на которой находится та гостиница, где мы остановились, великолепна. Посреди – памятник Сусанину, еще закрытый, прямо – широкий съезд на Волгу, по сторонам площади прекрасно устроенный гостинный двор и потом во все направления прямые улицы. Таких площадей в Москве нет ни одной. Правая от Волги улица упирается в собор довольно древней постройки. Подле собора общественный сад, продолжение которого составляет узенький бульвар, далеко протянутый к Волге по нарочно устроенной для того насыпи. На конце этого бульвара сделана беседка. Вид из этой беседки вниз и вверх по Волге такой, какого мы еще не видали до сих пор. Мимо нас бурлаки тянули барку и пели такую восхитительную песню, такую оригинальную, что я не слыхивал ничего подобного из русских песен...

Опять ходили смотреть на город. Пошли мелкими улицами и вдруг вышли в какую-то чудную улицу. Что-то волшебное открылось нам. Николай так и ахнул. По улице между тенистыми садами расположены серенькие домики довольно большие, с колоннами, вроде деревенских помещичьих. Огромные березы обнимают их с обеих сторон своими длинными ветвями и выдаются далеко на улицу. Все тихо, патриархально, тенисто. На немощенной улице играют ребятишки, кошка крадется по забору за воробьями. Заходящее солнце с своими малиновыми лучами забралось в это мирное убежище и дорисовало его окончательно. Николай от полноты

души выразился, что это так картинно, что кроме как на картине нигде и не встретишь. Пошли по этой улице дальше и вышли к какой-то церкви на горе, подле благородного пансиона. Тут я, признаюсь, удержаться от слез был не в состоянии, да и едва ли из вас кто-нибудь, друзья мои, удержался бы. Описывать этого вида нельзя. Да чуть ли не это и вызвало слезы из глаз моих. Тут все: все краски, все звуки, все слова. А заставьте такого художника, как природа, все эти средства употребить на малом пространстве, посмотрите, что он сделает. Тут небо от самого яркого блеску солнечного заката перешло через все оттенки до самой загадочной синевы, тут Волга отразила все это небо, да еще прибавила своих красок, своих блесков, да еще как ловкий купец ухватишь за конец какой-нибудь фиолетовое облако и растянешь его версты на две и опять свернешь в тучку и ухватишь какую-нибудь синеву с золотыми блестками. Облака, растрепанные самым изящным образом, столпились на запад посмотреть, как заходит солнце, и оно уделило им на прощанье часть своего блеску. А диким гусям стало завидно, и они самым правильным строем, вытянувшись поодиночке углом, с вожаком в голове, потянулись на запад; вот они поравнялись с солнцем, их крылья блеснули ослепительным светом, и они с радостным криком полетели на север. Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; все ближе и ближе, песнь растет и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива и разрастается та же песня. И так нет конца этой песне. С правой стороны у нас собор и главный город, все это вместе с устьем Костромы облито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у самых наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника. По берегу, который гора обогнула полукружием, расположен квартал, называемый Дебря, застроенный разнообразными деревянными строениями с великолепной церковью посередине в старом штиле. С правой стороны Дебря ограничивается той горой, на которой мы стоим, сзади – горой, на которой реденькая и вековая сосна нагнулась и стережет этот уголок; слева тоже березки, и вдруг неизвестно откуда забежала по горе темная сосновая роща, спустившаяся до самой реки. Она охватила это очаровательное место, чтобы не разбежались берега и домики не потеряли порядку. Через рощу видно горы и какие-то неведомые холмы верст на 30. На той стороне Волги, прямо против города, два села; и особенно живописно одно, от которого вплоть до Волги тянется самая кудрявая рощица, солнце при закате забралось в нее как-то чудно, с корня, и наделало много чудес. Я измучился, глядя на это. Природа – ты любовница верная, только страшно похотливая; как не люби тебя, ты все недовольна; неудовлетворенная страсть кипит в твоих взорах, и как ни клянись тебе, что не в силах удовлетворить твоих желаний – ты не сердишься, не отходишь прочь, а все смотришь своими страстными очами, и эти полные ожидания взоры – казнь и мука для человека».

Неравнодушен к Костроме был и поэт В. Боков. Он писал :

Опять я в костромских просторах,
Где знаю каждый уголок!
И кажется мне, что в моторах
Есть окающий говорок.

Любуюсь на реку с балкона,
Стихи прохожим раздаю.
Мне Кострома давно знакома,
Но я ее не узнаю.

Зато Юрию Нагибину город не приглянулся. Правда, побывал он тут не в лучшие, брежневские времена: «На другой день познакомились с Костромой. Город невелик и невзрачен, во дни Кустодиева он был неизмеримо приглядней. Главная достопримечательность – ампирная каланча. Но хорош Ипатьевский монастырь, меж Волгой и ее притоком. Там похоронен Пожарский. В магазинах – серая ливерная колбаса, из-за которой убивают, сыр (!), овощные консервы, супы в стеклянных банках с броской надписью „без мяса“, какие-то консервы из загадочных рыб, которые никто не берет. Есть еще „растительное сало“, помадка, пастила и сахар. Остальные продукты в бутылках: водка и бормотуха. Много пьяных на улицах и много печали во всем. Зашел побриться в парикмахерскую. Воняла мыльная пена, воняли руки парикмахера, вонял паровой компресс, нестерпимо вонял одеколон».

А поэт Демьян Бедный писал:

Кострома – это «город-улыбка»!
Уезжая, вздохнул я невольно:
«Расставаться, товарищи, больно.
Шутки-шутки, а вот я возьму
И махну навсегда из Москвы в Кострому!»

Да, поводов для улыбки в Костроме всегда было не счесть. Нам в этом еще предстоит убедиться.

Центр

Кострома – город торговый, и не удивительно, что самый ее центр занят под торговые ряды. А их тут множество – Мучные, Пряничные, Мелочные, Хлебные, Квасные, Масляные, Овощные, Рыбные, Дегтярные, Мясные – всех не перечесать. Подавляющее большинство этих построек до сих пор используется по прямому назначению – в них торгуют.

Кострома, как образцовое торговое пространство, даже вошла в русскую классику. Николай Некрасов в своих «Коробейниках» писал:

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!»

И, конечно, там, где бойкая торговля, там и сама жизнь другая – тоже бойкая, манящая и разудалая:

Тит – домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежду, и станки,
С барином слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонущка
Опостылела ему.

Конечно, женушка сбежала в Кострому. Не в Судогду же, право слово, было ей, голушке, бежать.

Эх, раз живем! Эх, ходи веселей, Кострома!

Один из костромских купцов, И. Чумаков писал в дневник: «Ехавши утром в лавку, я обогнал одну даму, идущую по тротуару, очень прилично одетую и недурную собою, но так как она мне показалась новая личность, то ею заинтересовался. После обеда мы поехали в город втроем: я, Миша и Дмитрий Михайлович. Эта дама опять нам встретилась, долго вглядывалась в меня, я намеревался поклониться, но незнакомой даме я кланяться не решаюсь, а тем более в кругу своих. Я тотчас же восторгнулся любопытством, кто она, и находчивость Миши решила мне, что это жена Игната Петровича Дружинина; видевши я ее раз в день брака, не мог запомнить хорошо, но только она мне показалась очень красивою».

Здесьние предприниматели были настолько же равнодушны к женщинам, насколько к барышням. Незнакомой даме, видите ли, кланяться он не решился.

Впрочем, И. М. Чумаков был еще достаточно стеснительный и осторожный насчет дам. В другой раз писал в дневник: «Приехавши из лавки, от кучера я получил письмо анонимное, поданное какою-то женщиною у лавки. Письмо говорит, что я не желал в прошлое воскресенье у церкви говорить с одною дамою, а потому сегодня она и ждет меня у себя с шести часов до девяти часов по какому-то экстренному делу. Не имея никаких с женщинами интриг, сношений, от этого приглашения я отстраняюсь и, разумеется, не пойду. Но, между прочим, меня сильно это расстроило, боясь, чтобы не вышло какой-нибудь насевки на меня. Мое праздни-

ное спокойствие на сегодня отравлено. Сегодня буду в маскарade благотворительном клуба, то, может быть, с нею, этою особою, увижусь.

Аноним, так настоятельно меня требовавший, первый, а потому встревожил он меня страшно. Как осмелились меня беспокоить, замешивать меня в какую-то грязь, но я за собою ничего подобного не имею. Так мои нервы натянуты, что малейший стук, шум меня приводит в трепет, как будто ко мне идут, дома даже боязно быть, во всем бельеэтаже один, Миша сидит более наверху. Существование, в котором я сейчас нахожусь, весьма неприятно, тяжело; но все-таки вечером еду в маскарad и с собою беру Мишу. Что-то там будет, не натолкнешься ли еще на что-нибудь?»

Вот такое представление о чести и достоинстве.

* * *

Между прочим, среди здешних лавочных сидельцев было множество незаурядных личностей. Об одной из них писал другой мемуарист из рода Чумаковых, только не Иван Михайлович, а Сергей Михайлович: «В гостином дворе, в помещении под номерами 64 и 65, против церкви Воскресения на Площадке была нотариальная контора Павлина Платоновича Михайловского. Долгие годы он сидел в своей конторе, совершая всевозможные нотариальные акты. Нововведений он не любил, до самого 1918 года – момента ликвидации и национализации – он сидел за столом, на котором стояла песочница с мелким песком, употребляемым вместо новшества – промокательной бумаги. Писал он только гусиными перьями. Электрическое освещение считал баловством, вредно влияющим на зрение. На его письменном столе надменно горели только две стеариновые свечи, и у всех его служащих освещение было такое же. Несмотря на то, что с 1912 года город стал освещаться электричеством, и во всех соседних помещениях свет был сильный, у него по-прежнему царствовал полумрак. Одевался он тоже в какие-то допотопных фасонов сюртуки, шляпа также была типичная для первой половины девятнадцатого века. Хотя жил он недалеко от своей конторы, но приезжал и уезжал в старинном экипаже. Летом, не смотря ни на какую жару, обязательно был в пальто с пелеринкой времен Николая Первого. Революция выбила его из колеи, не стало нотариальных дел, не надо было ехать в контору, и он в 1918 году умер. По внешности он был похож на пророка Илью, но с более добрыми глазами».

Он же сообщал и об одном купеческом семействе: «В Большом Мучном ряду была лавка некого Павлова. Он и его жена (тоже зачастую торговавшая вместе с мужем) были оба черные, как смоль, а все четверо детей, двое мальчиков и две девочки, имели цвет волос очень красивого оттенка – все блондины цвета льна. Поведение жены было вне подозрений, поэтому объяснялось происхождение льняных волос какой-то наследственностью от восходящих поколений».

Колоритен был предприниматель Зотов: «Алексей Андреевич Зотов был крупный костромской фабрикант, ему принадлежала половина Зотовской льняной мануфактуры – одной из крупных в России. Характер был у него вспыльчивый, имел массу причуд. Матерщинник был редкостный. Очень хорошо знал толк в качестве льна. Осенью сам ездил покупать лен на большой базар. При заключении сделки матерная ругань стояла с обеих сторон, перемежаясь с упоминанием Бога, Николы-угодника и всех святых. Наконец, когда стороны договаривались, то ударяли по рукам, срывали с голов шапки и истово крестились на Старый монастырь. Так совершалась сделка с каждым отдельным крестьянином.

Зотов никогда не был женат, но имел девушек, которых обеспечивал, а родившихся детей усыновлял, давая им прекрасное образование.

Вспыльчив был необычайно, но быстро отходил. Примерно около 1908 года пошел он в гости к своему племяннику, живущему с ним по соседству на фабричном дворе. В каком-то вопросе не сошлись во взглядах; всплыв, Зотов переломал все пальмы, фикусы и прочие зеленые растения, перебил все горшки, а деревянные кадки разломал. Хозяева, зная его харак-

тер, попрятались в других комнатах. Уходя, Зотов кричал, что придет опять и переломает всю мебель, чего сейчас сделать не может, так как очень устал. А через три дня в Кострому прибыл целый вагон пальм и других комнатных растений, выписанных из Москвы, куда Зотов вспоминал своего садовника, и все это было водворено на место разгрома.

Один из его «незаконных» сыновей, получив высшее образование, специализировался в сахарной промышленности и в советское время был профессором, преподавал в Московском пищевом институте».

Было в записях С. Чумакова и такое экстренное сообщение: «Купец Шабанов, видный мужчина средних лет, оплешивел. Пробовал выращивать волосы при помощи мази „Я был лысый“, широко разрекламированной в газетах, но из лечения ничего не вышло, плешь увеличивалась. Тогда он заказал себе парик, который одевал только по воскресеньям и другим праздничным дням, в будни же неизменно появлялся без парика».

А вот еще существенная информация: «Костромской купец Клеченов торговал мануфактурой в Гостином дворе. Это была самая крупная торговля мануфактурой в городе. Примерно в 1908 – 1909 годах он крупно пожертвовал на какой-то приют, за что получил орден, по праздникам надевал его на шею. После его смерти два сына никак не могли поделить отцовское наследство и, к удовольствию костромской публики, начали печатать в местных газетах большие письма, обливая друг друга помоями. В конце концов местные адвокаты оказали помощь и кое-как уладили обоим наследников. Но торговля захирела, и вскоре магазин перестал существовать. Открылся другой мануфактурный магазин – Кириллова, но значительно меньшего размера. Братья же Клеченовы вскоре скрылись с костромского горизонта».

Вот, казалось бы, чушь несусветная! Ан нет, вся эта информация и составляла, собственно, круг интересов жителей провинциальной Костромы. Им было важно знать и про шабановскую лысину, и про его парик, и про приехавшие из Москвы комнатные растения. Для чего? Чтобы не отставать от жизни, разумеется.

Ведь пульс костромской жизни был именно таков.

* * *

Чтобы торговля шла поэффективнее, здешние лавочники разработали особое аргю, никому больше не понятное. К примеру, если старшему приказчику надо было сообщить своему младшему коллеге, что опускать цену можно до пяти рублей, не менее, он кричал ему через всю лавку:

– Пяндором хрустов!

Что, собственно, и означало «пять рублей».

Если хотел дать знать, что нужно соглашаться на очередное предложение покупателя, то сообщал:

– Шишли сары!

Бедный клиент, конечно, понимал, что его дурят как котенка, но поделаться ничего не мог.

Некоторые хозяева шли дальше и на ценниках рядышком с суммой писали несколько бессмысленных, на первый взгляд маленьких буковок. Это был шифр. Любой приказчик, ознакомленный с ключом, мог таким образом прочесть истинную цену – ту, ниже которой опускаться при торге нельзя. Ключ представлял собой десятибуквенное слово, да такое, чтобы буквы в нем не повторялись. Первая буква в слове соответствовала единице, вторая – двойке и так далее. Последняя была, ясное дело, ноль, при этом слово не должно было, на всякий случай, содержать в себе букву «о» – чтобы с нулем не спутали.

Таким образом, если ключ был, к примеру, «ПРЕДСТАВИЛ», то шифр «РВ-СЛ» означал 28 рублей 50 копеек. При том «официальная» цена была, к примеру, 35 рублей.

В качестве рекламы, разумеется, использовались громкие названия. Писали их подчас безграмотно, по большей части, без кавычек. В частности, часовой магазин Азерского имел огромную броскую вывеску: «Магазин Женева».

Идея, в общем-то, понятно. Да, самые престижные часы – швейцарские, да, в Швейцарии есть город под названием Женева, и у покупателя должен сложиться соответствующий ассоциативный ряд.

Но это – в идеале. А в действительности, подавляющее большинство костромичей считало, что здесь – магазин некоего господина, носящего простую русскую фамилию: Женев.

А С. Чумаков писал о совершенно фантастическом рекламном ходе, придуманном одним предпринимателем: «Была торговля готовым платьем третьего сорта, главным образом из лодзинского материала. Принадлежала она Морковникову и именовалась неведомым для костромичей словом „Конфекция“. Магазин был оборудован следующим образом: окна завешены готовым платьем, так что в магазине царил полумрак, а при наступлении темноты зажигалась лампа с каким-то особым голубым стеклом; лампа была керосиновая, свету давала мало, и полумрак не давал возможности рассмотреть дефекты и окраску материала. Для оживления оборота против магазина на галерее прохаживался юркий еврейчик, у которого на руках была пара брюк. Увидя зазевавшегося крестьянина, он хватал его за руку и волок в магазин. Если клиент не отбивался, то как только он попадал в „Конфекцию“, на него набрасывались с разных сторон два или три приказчика, совавшие готовое платье прямо в лицо. Торговались до седьмого пота, а в случае, если покупатель уходил, то за ним мчались на улицу и тащили за полы обратно в „Конфекцию“».

Несмотря на очевиднейшую дикость этого приема, он срабатывал. Во всяком случае, оригинал Морковников имел возможность закупать новые партии сомнительных штанов, а также содержать своеобразный персонал.

И вместе с тем за «репутацией» следили строго. Как-то раз купец Галанин принялся кутить недалеко от города с девицами. Девицы оказались вороватыми и вытащили у Галанина две тысячи рублей. А вскоре после этого проговорились, кто-то сообщил о них в полицию, девиц быстренько взяли в оборот, они во всем сознались и отдали деньги. Галанин же, когда ему об этом сообщили, напрочь отказался признавать что бы то ни было. Дескать, и девиц он видит в первый раз, и денег у него никто не воровал. Как ни настаивали полицейские, он – ни в какую. Готов был запросто расстаться с этой далеко не малой суммой, лишь бы под присягой на суде не сообщать о своих шалостях. Иначе потеряет больше, ведь купеческое общество, прознав о том, что он способен на такое безрассудство станет к нему относиться впредь без должного доверия. Такого допустить никак нельзя.

Пришлось вернуть две тысячи вконец обескураженным девицам – ведь таким образом они оказывались законными владелицами этих денег.

И все таки, по большей части, здешние предприниматели были людьми скромными, честными и набожными. А для привлечения народа пользовались тактикой вполне приличной и пристойной.

* * *

Кострома отчаянно держалась, что называется, за чистоту рядов. Чужаку здесь прихордилось сложновато. Вроде бы и не было открытой неприязни – просто дело почему-то постоянно стопорилось, и в конце концов сходило полностью на ноль. Вот, например, воспоминания ярославского предпринимателя Дмитриева: «Черт дернул моего хорошего приятеля Найденова предложить мне компанию: купить предлагаемую кондитерскую в Костроме. Съездили мы с ним в Кострому, поглядели: хорошая немецкая (Тшарнер) кондитерская, без булочной, в своем доме, пять мастеров, кладовые, посуда, две коровы, словом, очень хорошее хозяйство. В кондитерском же деле ни я, ни Найденов ничего не понимали а сторговались за 7000 руб-

лей с уплатой 500 рублей при покупке, а остальные уплачивать по 100 рублей в месяц, считая и арендную плату, так что выплата кончалась бы в течение пяти лет.

Между нами условия были таковы, конечно, на словах: деньги Найденова, а моя работа, то есть я должен был переехать в Кострому и там заведовать кондитерской. Найденов же не мог ехать в Кострому, потому что он имел в Ярославле торговлю железом, я должен был перед ним отчитываться ежемесячно. В помощь мне была «командирована» его сестра Варвара Федоровна, чтобы освободиться от чужой продавщицы в нашем магазине.

Итак, в 1907 году я сделался, на свою беду, кондитером. С первых же месяцев я понял, что дело это не пойдет по разным причинам: во-первых, и самое главное, у моего приятеля, Найденова, оказалось очень мало денег, и нам приходилось все время испытывать недостаток товаров вследствие нехватки оборотных средств, и второе – наше незнание кондитерского дела. Так, например, осенью нужно было заготовить на целый год всевозможных фруктов в разных видах. На это нужно было тысяч 6 – 7, а у нас их не было.

Пробившись с этим делом около двух лет, мы его ликвидировали с грехом пополам, и я уехал опять в Ярославль».

От Костромы до Ярославля восемьдесят километров. Можно сказать, что господин Дмитриев толком-то никуда не уезжал. Однако, все равно – город чужой, слегка враждебный и уж точно настороженный. О том, чтоб кто-нибудь направил, подсказал, и речи не идет. Наоборот, пожалуй что, подсказывали, да в другую сторону, чтоб побыстрее предприимчивые ярославцы выехали с костромской земли.

Они и выехали.

* * *

Кстати, на масленицу здесь существовал обычай, в общем-то, довольно дикий: «В эти дни было массовое гуляние по галерее Гостиного двора, именовавшееся „слонами“ от слова слоняться. Здесь прохаживались или стояли под арками девицы на выданье, разодетые в бархатные шубы на меху, большей частью на лисьем, и держали в руках по несколько платков, показывая этим достаток семьи. Тут же прохаживались женихи, высматривая себе подходящих невест. В особенности многолюдны были эти слоны до 1914 года. В связи с войной и уменьшением количества женихов далее они из года в год сокращались».

* * *

После революции торговля в костромских рядах, конечно, поутихла. В нэп возник некоторый всплеск, но тоже не на долго. Туго пришлось после войны, когда в Союзе отменили карточки. Одна из костромичек, Т. Попова вспоминала: «Стояли во дворе 12-го магазина, ну, не ночь, но с раннего утра, и весь день, писали номера на ладошках, младших оттирали. Когда начинали выдавать, бежала домой, сказать, что дают. Наверное, муку».

К ней присоединялась и другая жительница города, М. Виноградова: «С рынка все приносили. Центральный рынок – только продовольствие, а на Сенном – и продовольствие, и баранка. А в магазинах не было ничего. Хлеб – пока были карточки – купить было легко, а потом отменили, очереди до умуру стояли. За хлебом-то не так, а вот к празднику, когда муку давали или консервы, американские консервы. Доставалось не всем, только начальству. Сладкого не было, жиров не было. Иногда раз в год давали масло топленое, коровье. Хорошо жили те, кто в магазине работали.

Приходили на рынок часов в семь, а работа начиналась в полдевятого. С утра все разбирали. То есть, сходила на рынок, все приготовила и ушла на работу. Мяса было на рынке полно, потому что деревни были не разорены. Мяса было сколько угодно, но надо было деньги, а денег было немного. Наша семья баранину покупала. Баранина была дешевле всех. Были мясные ряды, внизу. На свинину, говядину не смотрели даже – баранина была самая дешевая.

В деревнях много овец держали, на шерсть, на валенки, и тулупы шили... Молоко покупали у татар: нарукавники белые, белый фартук. Они опрятные очень были. Из-за реки Костромы приезжали. Теперь там не деревни, а море костромское. Они в кружевах, они богатые были. У татар молоко было чище почему-то и не пахло ничем. Не кипятили молоко-то, все время сырое было.

Холодильников не было, покупали немного. А из свеженького-то мясо хорошо было. Свеженькое мясо сварил – никакой пены, а сейчас оно померзнет – одна пена, и вкуса нет. Молоко продавали внутри рынка. Сметана, ряженка в стаканах. Купит человек – и тут же выпьет. Лакомства детям покупали – фрукты, особенно когда болеют. Сады не были распространены. Овощи привозили на рынок из деревень, но запасов не делали. На несколько дней, на пять-шесть дней».

А потом, вроде бы, как-то наладилось.

* * *

В центре же этого торжища высится памятник Сусанину.

Кострома известна не только пристанью, Ипатьевским монастырем, музеем деревянного зодчества и тесною связью с Царствующими Домами. Она славится своими статуями.

К примеру, памятником маршалу Александру Александровичу Новикову, который установлен на месте древнего Троицкого храма. Памятник поставили еще при жизни маршала (дважды героям полагалась эта сомнительная привилегия). Его долго возили по городу и, в конце концов, Новиков выбрал уютную площадочку на месте разрушенного храма.

Любопытная история связана с мемориалом узникам фашистского концлагеря. Он занял третье место на конкурсе памятников одного из зарубежных концентрационных лагерей. Разумеется, в концлагере установили изваяние, занявшее первое место. Этот же памятник, чтобы зря не пропадал, отдали Костроме. В которой, разумеется, не было ни одного концлагеря.

Но основных скульптурных памятников в городе всего два. Сусанину и Ленину (он же – монумент в честь трехсотлетия Дома Романовых).

* * *

Первым был памятник Сусанину. Точнее говоря, двум историческим персонажам – государю Михаилу Федоровичу и патриоту Ивану Осиповичу Сусанину. Этот памятник установили еще до революции на главной площади города Костромы.

А началось все с путешествия другого государя, Николая Павловича. Заехав в Кострому, державный гость обмолвился: а почему бы не поставить памятник Сусанину – все таки, достойнейший был человек.

Дворянство города сразу же подхватило эту мысль. Быстренько выбрали скульптора – им оказался В. И. Демут-Малиновский. Облюбовали место – в Ипатьевском монастыре. Однако, Николаю Павловичу это не понравилось: «Только Государю Императору угодно было, чтобы памятник был поставлен не в Ипатьевском монастыре, а на городской Екатеринославской площади, почему и самую площадь велено было именовать с того времени Сусанинскою». В скором времени собрали деньги, не откладывая, приступили к делу, и 14 марта 1851 года новый монумент торжественно открыли.

Он поражал своей более чем странной композицией. Высокая колонна с гербом Костромы, увенчанная бюстом Михаила Федоровича в бармах. У подножия колонны – маленький мужичонка на коленях – сам патриот Сусанин. Все это хозяйство было установлено на прямоугольный пьедестал с надписью «За Веру, Царя и Отечество живот свой положившему поселянину Ивану Сусанину благодарная Россия» и с барельефом по мотивам оперы Глинки «Жизнь за царя».

А впрочем, если бы не воля юного царя, то не было бы подвига. Ведь Иван Сусанин начал почитаться как герой лишь в 1619 году, после «обельной грамоты», подписанной собственнo Михаилом Федоровичем: «Как мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси... были на Костроме, и в те годы приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина литовские люди изымали, и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».

В те времена, как и во многие другие, героев назначали сверху.

* * *

Как бы там ни было, участники этого торжества остались весьма довольны. Градоначальство и дворянство – очевидным повышением статуса Костромы. Духовенство, офицерство и почетное купечество – обедом, данным им за счет дворянства. Солдатство – сувенирами в виде фунта рыбы и двух чарок вина на человека. Мещанство – музыкой и иллюминацией. А приглашенные на церемонию «коробовские белопашцы» (потомки легендарного героя) – подарками (то есть, большими мохнатыми шапками с вышитой датой открытия памятника) и тем, что им позволили обедать вместе с господами.

Правда, интеллигенция еще до официального открытия восторгов не высказывала. Вызывал недоумение тот факт, что главный герой памятника занимает в его композиции явно невыигрышное место, да и сама композиция отнюдь не совершенна. Братья Лукомские критиковали его исполнение: «Композиция его... относится к тому периоду творчества Демут-Малиновского, когда он находился уже под влиянием национальных тенденций и в творчестве своем не лишен был даже ложного пафоса. Этим пафосом дышит и фигура коленопреклоненного Сусанина, поставленного на чрезмерно широкий и массивный, по отношению к тонкой и элегантной тосканской колонне, пьедестал. На колонне вверху бюст царя, Михаила Федоровича в шапке Мономаха, изображенного отроком. На пьедестале надписи и барельефы, представляющие убийство Сусанина поляками. Исполнение барельефа несколько грубоватое и не лишено ложных тенденций в выработке костюмов и лиц.

Вокруг самого памятника сохранилась прекрасная решетка, украшенная арматурами из доспехов и распластанными Николаевскими орлами. По углам, что особенно редко, во всей сохранности, стоят четыре фонаря, современных памятнику. К сожалению, решетка сквера недавно и, кстати сказать, совершенно ненужно здесь устроенного, – очень плоха; сюда было бы уместнее перенести решетку, погибающую на Верхне-Набережной улице».

Однако, решетки решетками, а монумент довольно быстро прижился в Костроме и до начала нашего столетия был единственной значительной скульптурой города. Не удивительно, что в 1913 году, когда Кострому посетила царская семья, памятник был «подан» ей особым образом: «Около Сусанинского сквера были поставлены воспитанницы городских детских приютов, а вдоль Романовского сквера – воспитанницы женских гимназий и других женских школ... Все свободное пространство улиц, за учащимися и старшинами, а также равно и тротуары, Сусанинская площадь, другие свободные места, особенно галерея торговых рядов были заняты толпою народа».

Царская фамилия проследовала мимо памятника, покивала многочисленным воспитанницам и отправилась в дальнейший путь.

В обычное же время площадь вокруг памятника, разумеется использовалась под торговлю – а подо что же еще? С. Чумаков писал: «На ярмарке, ежегодно проводившейся на Сусанинской площади, шла бойкая торговля не только в балаганах, но и с рук: разными пищалками,

тешинными языками, морским чертом, конфетами самого дешевого сорта, разными нецензурными открытками, печатными произведениями. Все это голосило, зазывало, навязывало свой товар. После японской войны один такой торговец кричал целый день охрипшим голосом, предлагая брошюру: «А ну, покупай, подвиг рядового Рябченко, положившего жизнь за царя и отечество, два патрета, три листка, пять вещей – пять копеек».

Многие безвестные кустари-пекари изготавливали всякие фасонные пряники, изображавшие птиц, лошадей, собак, лошадь, запряженную в сани или просто орнаменты, среди которых были и с явным влиянием индийского искусства, очевидно, когда-то случайно занесенные торговцами людьми с низовья Волги».

Эх, показать бы весь этот аттракцион – и нецензурные открытки, и дешевые конфеты, и морского черта – императору, чтоб знал в какой стране живет. Но нет, не показали.

А народ, однако, не скорбел. Радовался морскому черту и пищалкам. А еще здесь, под Сусаниным было мороженое: «Во время ярмарки и в праздники иногда на Сусанинской площади появлялась ручная повозка с ящиком, набитым льдом, тут же продавалось мороженое, которое отпускалось потребителем вложенным в большие граненые рюмки. Для извлечения же мороженого выдавалась костяная ложечка, так что мороженое надо было есть, не отходя от тележки. После чего посуда и ложка прополаскивались в талом льде, вытирались фартуком не первой свежести и были готовы для убогствования следующего потребителя. Так что это мороженое употреблялось обычно приезжавшими на базар крестьянами, не предъявлявшими особых требований к гигиене, ибо не были просвещены в оной».

Хотя, что там гигиена! Зимний день, яркое солнце, гомон продавцов, опять же, морской черт, Сусанин на коленях и мороженое – либо «сливочное» (то есть, просто-напросто подсахаренное и замороженное молоко) либо шоколадное (все то же самое, но чем-нибудь подкрашенное, вряд ли какао-порошком). Вот где оно, настоящее счастье.

Тот же Чумаков писал о Федоровской ярмарке, также проходившей под колонной с императором и патриотом на коленях: «Четырнадцатого марта ежегодно праздновался день Федоровской Божьей Матери, „явленная“ икона которой помещалась в кафедральном соборе. В этот день открывалась Федоровская ярмарка. На Сусанинской площади, на „плац-параде“ выстраивались легкие балаганы, покрытые от непогоды парусиной, и начинался торг, продолжавшийся несколько дней. Продавалось все для крестьянского хозяйства, вплоть до телег, много дешевой мануфактуры, обуви, фуражек. Обязательно была торговля Лопатина из Ярославля всякими сладостями и дешевыми паточными карамелями; большим спросом пользовался постный сахар, изготовлявшийся для более успешной торговли всех цветов радуги. Большим спросом пользовались всевозможные свистульки, морские жители, опускавшиеся в банках при нажиме пальцем на специальное отверстие, покрытое резиной, а также умирающие черти и тещины языки. Все это визжало и свистело в большом количестве, нарушая великопостную тишину. Обычно в это время появлялись первые признаки весны, дороги чернели, днем на солнце немного таяло, прилетали жаворонки, в честь которых пекли их изображения в виде пряников с глазками из изюма. Вероятно этот писк и шум был связан с далеким прошлым язычеством, отмечавшим радостное проявление первых шагов весны. А впоследствии христианство приспособило это к своим праздникам; аналогичное явление наблюдалось в Москве на Вербном базаре на Красной площади. Но вот ярмарка кончалась, балаганы разбирались, площадь пустела, оставляя до лета кучи грязи и шелухи от семечек, истреблявшихся в огромном количестве, исчезали свистульки и тещины языки, и снова воцарялась тишина. Только раздавался заунывный звон многочисленных церквей, призывавший верующих на великопостные вечерни и всенощные с чтением ирмосов, коленопреклонением при чтении молитвы Ефрема Сирина „Господи Владыко живота моего“, и тянулись богомольные фигуры в черных одеждах по своим приходам. И так продолжалось до самой Пасхи».

А на Пасху все, конечно, заходило на новый круг: «Весной на Пасху на Сусанинской площади возводились балаганы, в которых шли бесконечные представления Петрушек, скоморохов и прочих увеселительных зрелищ. Примерно с 1900 или 1902 года среди них ежегодно воздвигался деревянный балаган, в котором помещался «Иллюзионный электробиоскоп Рихтера». Это был, кажется, первый кинотеатр в Костроме. Был он небольшой, устроен же так, как и все другие балаганы для зрелищ: небольшая сцена, затем место для оркестра – он состоял из трех или четырех человек: валторна, труба, корнет-а-пистон и еще что-то (духовик). Обычно музыканты, работая с утра до позднего вечера, подкреплялись «для сугреву». Во время сеансов (кино было тогда немое) замолкал то один, то другой инструмент, бывало, минуту-другую дует одна труба. Самые дорогие билеты были в первом ряду, постепенно назад цена удешевлялась, как это было принято в театре. Примерно две трети длины балагана занимал партер, где были сидячие места на деревянных лавках; первый ряд был обит коленкором. В самом конце был раек, где места были стоячие и самые дешевые.

За кассой сидел сам владелец – господин Рихтер, с которым иногда можно было договориться о программе. Картины показывались французского происхождения (других тогда не было), братьев Лъмьер и Патэ. Обычно в сеансе проецировалось две короткометражные картины. Содержание их было самое примитивное: погоня полицейских за жуликом, наступление весны с быстрым таянием снега и распусканием цветов, вид Везувия во время извержения и т. д. Перевод надписей с французского языка на русский был ужасающим – так, «Ловля сельдей в Норвежском море» была переведена одним словом «Норвежцы», картина «Дебют шофера» (слово «шофер» – новое в русском языке) была переведена как «Дебют кочегара». Впрочем, такие тонкости тогда никто не замечал, и электробиоскоп Рихтера процветал, так как ходили смотреть одни и те же ленты неоднократно. Уж очень необычно было видеть на экране движущихся людей. Сам экран изготовлялся из обычной дешевой материи, набитой на раму, и при сквозняках раздувался то в одну, то в другую сторону. Во время сеансов часто бывали перерывы из-за обрыва ленты. Тогда в полной темноте оркестр дул изо всех сил, пока не наладится аппарат. Так как электричества тогда не было, то аппарат освещался ацетиленовой лампой. Будка была деревянная без всяких противопожарных обивок».

* * *

Безусловно, оба костромских шедевра – и памятник Сусанину, и памятник трехсотлетию романовского дома – попадали в номинацию «памятников царям и их слугам». Их надлежало сразу же снести. Коленопреклоненного Сусанина сбросили с постамента вместе с бюстом Михаила Федоровича и отправили на переплавку. Постамент был идеологически нейтральным, поэтому на нем поставили деревянный памятник новым вождям. А в 1920 году умер костромской революционер Долматов. Его захоронили рядом с постаментом. Площадь, на которой стоял памятник, переименовали из Сусанинской в Долматовскую, и сразу после этого костромичи прозвали эту площадь «Сковородкой» (эта кличка существует по сей день).

В тридцатые сломали памятник новым вождям вместе с постаментом от Сусанина, а после второй мировой войны решили, что памятник известнейшему костромскому патриоту все-таки необходим. По протекции маститого советского ваятеля Н. Томского, заказ на изваяние отдали его ученику, Н. А. Лавинскому.

Выдали Лавинскому и самолет. Он летал над городом и выбирал место для памятника. В конце концов остановился на площадочке в нескольких десятках метров от старой доброй «Сковородки».

Макет установили в Ипатьевском монастыре. Костромичи, увидев изваяние, возроптали, но слушать их никто не стал.

В 1967 году памятник торжественно открыли. И сейчас в городе Костроме – опять два самых главных памятника.

* * *

Неподалеку отсюда возвышался Успенский кафедральный собор. Так же, как и монумент в честь патриота, спасшего царя, он почитался в качестве святыни. Священник Е. П. Вознесенский писал в книге с пространным названием «Воспоминания о путешествиях Высочайших Особ благополучно царствующего Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях»: «До настоящего времени Успенский собор хранит... памятник благочестивого усердия и благоговейного выражения чувства благодарности царского дома к чудотворному лику Феодоровской Божией матери, уцелевший после трех страшных пожаров прошедшего столетия. Этот дар составляют рясны, более полуаршина длиною и в 1 вершок шириною, к явленной чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери, низанные в решетку по золотой фольге крупным жемчугом, с золотыми колодками и кольцами, из которых первые украшены цветными драгоценными камнями – изумрудами и яхонтами и бурмицкими зернами».

Царский подарок несказанно повышал статус этого собора.

Этот же священник повествовал о том, как проходили посещения членов царствующего дома Романовых этого славного собора. В частности, Екатерины Второй: «В 4 часу пополудни Великая Монархиня, мать отечества, со сею блестящею своею свитою, при пушечной пальбе с флотилии и с городского валу, колокольном звоне церковей целого города, отправилась на богатоубранной шлюпке рекою Костромою до городской пристани, где изволила сесть в карету и, в сопровождении 9 экипажей и 4 депутатов верхами, от купечества – в русских костюмах, и 13 депутатов от дворянства, пред каретою Ее Величества, отправилась в Успенский собор... Пред св. вратами Успенского собора преосвященный Дамаскин встретил Государыню с чудотворным ликом Феодоровской Божией Матери и снова приветствовал речью. По благосклонном выслушании приветствия архипастыря, начала шествие за ним в собор, при кроплении владыкою царского пути святою водою. Обратный путь Августейшей Посетительницы из собора – одной из древнейших святынь в Костромской области – десять благородных девиц в белых платьях с золотыми перевязями и гирляндами через плеча, на коих висели корзины с цветами и венками на головах, с обеих сторон входа поставленные по ступеням соборной лестницы, усыпали цветами; первая из них (Глафира Нелидова) поприветствовала Государыню речью и имела счастье поднести венок Великой Матери отечества. Потомство не сохранило приветствие четырех смиренных юношей духовного звания, коим свыше ниспослано было счастье приветствовать Великую Монархиню в стенах мирной Ипатьевской обители; тем приятнее для нас повторить приветственную речь Нелидовой: „Всемиловитейшая Государыня! Дух мой и сердца всех, видя свою Монархиню, от радости говорят. Венок сей, в знак благодарности, всенижайше от малых детей просим принять, я от всех сих Всемиловитейшей Монархине и матери приношу в знак горящей в нас радости и в Высочайшую милость принять прошу“. В награду за всеподданнейшее приветствие, все девицы были допущены к руке Ее Величества и удостоились получить поцелуй из уст Августейшей Матери».

Возможно, что участники этой слащавой церемонии и впрямь испытывали верноподданнический восторг. Иначе было бы совсем цинично.

* * *

А блистательный мемуарист Чумаков и в отношении собора был верен себе. Он не пересчитывал благородных девиц и не благоговел пред монаршей персоной. Его воспоминания были совершенно иными: «Соборный староста Александр Онуфриевич Днепров явно не пользовался расположением соборного причта, ибо был человек хозяйственный и всячески препятствовал батюшкам тратить соборные деньги без особой нужды. Невзлюбив его, святые отцы начали говорить, что негоже ему быть старостой церковным, ибо ранее, до приезда

в Кострому, имел что-то вроде публичного дома (хотя они и знали, что был он владелец небольшой гостиницы или постоялого двора). Подготовив своей агитацией соответствующую почву, они стали просить дать им другого старосту. По существующему тогда положению, соборный староста избирался из числа жителей города городской думой. Отцы города – гласные городской думы – нашли подходящего кандидата в соборные старосты, некоего Прянишникова, владельца небольшого завода, изготавливавшего катушки и еще какие-то детали для текстильных фабрик. Несмотря на возражения некоторых сугубо православных, Прянишников был избран и утвержден старостой, хотя он был женат на женщине иудейского происхождения, правда, родители ее были крещены. На сем основании соборные батюшки не возражали, ибо „крещением снято было заблуждение, связанное с пребыванием в иудействе“. Сначала батюшки вроде бы и артачились, но узнав, что больше подходящих кандидатов нет, согласились, боясь, что оставят им ненавистного Днепровца».

И в тех воспоминаниях, конечно же, гораздо больше подлинности, нежели в славословиях священника Е. Вознесенского.

Мшанская

От «Сковородки» веером расходятся главные улицы города Костромы. Первая из них идет на запад, и зовется улицей Островского (в прошлом – Московская и Мшанская).

Первая достопримечательность на этой улице – маленький домик в три окошка (улица Островского, 1/2), бывшая лавочка, принадлежавшая церкви Иоанна Предтечи. Эта церковь, к сожалению, не сохранилась, зато память о ней, как говорится, жива по сей день. А в историю тот храм вошел вот каким образом: «На Мшанской улице, в самом ее начале, против больших мучных рядов была старинная небольшая церковь... Частью своей, именно алтарной, она выпирала за красную линию, установленную значительно позже, чем была построена церковь, и выходила на самую мостовую. Поэтому в базарные дни морды лошадей находились у самых алтарных стен, кругом все было заставлено телегами или санями на мостовой, масса навоза, и, в довершение всего, стена алтаря использовалась для малых дел, ибо в те времена господствовала простота нравов. Для прекращения такого безобразия духовенство церкви заказало вывеску, которая и была прикреплена к алтарю. Вывеска гласила: „Здесь мочися строго восъспрещается“. Несмотря на сие воззвание, как раз это место, по старой привычки, было наиболее используемо для облегчения».

Следующий объект нашего пристальнейшего внимания – дом №10, некогда принадлежавший господам Богоявленским. Это был своеобразный памятник. Лукомские о нем писали: «Потрясает... домик Богоявленской на той же улице. Весь фасад его не производит даже особенного впечатления. Лишь четыре колонки разнообразят плоское тело домика и дают ему приятные членения. Но когда вы увидите за балюстрадой из старинных балясин, в цокольном этаже, ушедшем в землю на три аршина и отделенном этой стенкой с балюстрадой от тротуара – окна и живущих там, тоже за кружевными занавесками, людей, а на окне пестрые игрушки и горшочки с геранью и гелиотропом – вы остановитесь невольно и загляните в эти оконца, и призадумаетесь над судьбами этих людей. Мечта отнесет вас далеко, далеко от них в шумную столицу, к ярко освещенным магазинным окнам, к блеску вестибюлей и бельэтажных зал парадных улиц – и даже занесенные снегом жалкие избушки какой-нибудь деревни, пронесшейся в окне железнодорожного вагона, не производят на вас такого впечатления, как эта пародия на комфорт, как это стремление не отстать от культуры в условиях захолустной жизни».

Что ж, у столицы свои недостатки.

Зато неподалеку (№22) признанный памятник архитектуры, дом Акатовых. Небольшой (да что там небольшой, он просто крохотный, всего-то десять на семь с половиной метров в плане), однако же изящный, стройный, с четырьмя изящными полуколоннами он, безусловно, привлекает взор праздного путешественника. Им восхищались Лукомские: «Небольшой, украшенный колоннами, образующими между капителями светелочку, а между пьедесталами своими подвальный этаж. Оконца последнего, затиснутые этими базами, дают много настроения: кажется, что вот в таком, именно, домике, могли жить те «три сестры» Чехова, которые так стремились «в Москву». Весь домик, с балконом от него отходящим, с ветвями дерева, свешивающимися над ним, с старенькой калиточкой и мертвенно бледною окраскою, ночью, освещенный ярким, белым электрическим светом, когда вокруг – пелена искрящегося снега и лишь черные окна глядят как глазные впадины черепа – производит потрясающее впечатление, которое еще более увеличивается, когда в окне мелькнет сквозь кружевную занавеску пламя зажженной лампы, или за стеклом, покрытым фантастическим узором инея, пройдет грустная и одинокая фигура.

* * *

В доме №33 по Комсомольской улице (в то время – Троицкой) располагалась типография П. И. Андроникова. Реклама привлекала обывателей: «Типография Павла Андроникова. Производство работ в этой типографии началось с 13 февраля 1859 года. Типография устроена сообразно с требованиями современного книгопечатания в России; машины Гамбургского устройства, производители работ выписаны из С.-Петербурга. Краски для печати от высших французских до средних и низших сортов. Бумага всех сортов. Для большого удобства при брошюровке книг типография имеет переплетную. Типография принимает заказы по книгопечатанию, а также по изданию на комиссию присылаемых рукописей. Запроса в ценах не допускается. П. И. Андроников».

Кроме того, Павел Иванович был журналистом – редактировал вторую, так называемую «неофициальную» часть «Костромских губернских ведомостей». Дело при нем было поставлено на славу. Господин Андроников собрал немалый штат сотрудников – и штатных, и внештатных. И постоянно затевал все новые и новые мероприятия. Например, такого плана: «В редакции Костромских губернских ведомостей готовится описание Костромской губернии в этнографическом отношении... Необходимо дружное содействие многих лиц, населяющих разные уезды нашей губернии... В особенности редакция нуждается в народных песнях, загадках, преданиях, суевериях, предрассудках... Статьи более обработанные будут помещаться в Ведомостях».

Видимо, типография давала своему владельцу нешуточный доход, который позволял часть его тратить в интересах государственной газеты с более чем ограниченным бюджетом.

Впрочем, по мимо этого Андроников выпускал так называемый «Костромской листок объявлений», который, вероятно, был нешуточным подспорьем в его бизнесе. По иронии судьбы, когда он умер, дело унаследовала его дочь Татьяна. Татьяна Павловна была, по убеждениям, большевичкой, и первым делом превратила «Костромской листок объявлений» просто в «Костромской листок», ставший, по сути, местным органом РСДРП (б).

* * *

В доме же №42 жило семейство Чумаковых. Там же располагалось их семейное дело – табачная фабрика.

Один из хозяев, Михаил Михайлович, был человеком особенно предприимчивым. Сергей Михайлович писал о нем: «Михаил Михайлович приобрел пароходик «Ефим», который перевозил грузы с той стороны Волги, с товарной ветки, в Кострому, к бегу мельницы (фирма Чумаковых, кроме всего прочего, имела мельницу – АМ.) По его инициативе на мельнице, а потом и на фабрике, в доме и в других постройках было проведено электрическое освещение, по тем временам большая редкость. Освещение действовало до одиннадцати часов, после чего гасло, и засвечивались керосиновые лампы и свечи. Михаил Михайлович провел чуть ли не первую в Костроме телефонную связь с конторой и усадьбой Васильевское (семейство Чумаковых, кроме всего прочего, владело и усадьбой под названием Васильевское – АМ.). Телефонные аппараты были старинного образца, очень большие. Трубка, куда кричали, была прикреплена к стене, поэтому надо было к ней тянуться. Потом, когда в Костроме провели телефоны, эта сеть была включена в общую.

Он один из первых выписал на лето легковой автомобиль, что в те времена было целое событие. Любил строить. Так он пристроил к своей половине целую веранду, ограничивающуюся фонарем. На веранде был расположен зимний сад... При доме он завел оранжерею, при которой жил садовник. Так что круглый год были свои цветы и масса зелени. Михаил Михайлович покупал новые экипажи, пролетки, сани. Держал на парадной конюшне шесть лошадей».

И так далее, так далее, так далее.

Впрочем, не все у Чумаковых было безмятежно. Случались и печальные истории. К примеру, как-то раз на фабрике начался пожар. Иван Михайлович, тоже хозяин, вместе со всеми

суетился, носил воду, пытался потушить свою недвижимость – и в результате, по неопытности и сильной задымленности участка провалился в колодец с кипятком – туда стекала из котлов горячая вода. К счастью, он схватился за какую-то стропилу, его вытащили, вылечили, но ожог был очень сильным, речь восстановить не удалось.

* * *

Неподалеку же располагалась одна из популярных распивочных. Обыватель писал: «На углу Мшанской и Спасской улиц когда-то стоял одноэтажный каменный дом. В нем помещалось питейное заведение, содержавшееся Дуровым. Входная дверь закрывалась с помощью бутылки с песком, повешенной на веревке через блок. Заведение было грязное, но посещалось в большом количестве, в особенности в праздник. Кроме водки подавалась там же дешевая закуска. Предприятие было частное, поэтому постоянные клиенты пользовались кредитом. Иногда случались драки, тогда входная дверь с визгом открывалась, и клиент летел по лестнице прямо на мостовую, вслед за ним летело его имущество, если таковое еще не было заложено у сидельца. Так продолжалось многие годы. Таких питейных заведений в городе было много».

Но не долго длилось счастье здешних выпивох: «После введения винной монополии в 1900 году (или около того времени) вместо питейных заведений были открыты казенные винные лавки, именовавшиеся монополями или казенками. Постоянная клиентура долго не могла этого пережить и ругалась, что в казенках вино покупать надо за наличный расчет и нигде ни на копейку в долг не отпустят. Кроме того, в казенках никакой закуски не продавалось, и было строго запрещено распивать водку в помещении. Поэтому клиенты, именовавшиеся в Костроме зимогорами или золоторотцами, купив, смотря по наличию денег, шкалик или мерзавчик (самую мелкую расфасовку), выходили с посудой на улицу и тут же у двери выбивали пробку, предварительно размяв о стену красный сургуч, которым запечатывалась казенная посуда, – от этого везде стены в казенках были в красных точках, – и тут же жидкость выливалась в горло. После чего клиент снова бежал в Казенку для сдачи посуды. Обращалось внимание, чтобы наклейка на бутылке не была повреждена, так как в этом случае посуда не принималась».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.